

культурно специфичные проявления данной коммуникативной тактики [1; 2].

Литература

1. Хуыз, И.П. Сигналы интерактивности в академическом дискурсе: инклюзивные местоимения [Электронный ресурс] / И.П. Хуыз // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2012. — № 3. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/signaly-interaktivnosti-v-akademicheskom-diskurse-inklyuzivnye-mestoimeniya>. — Дата доступа: 23.12.2015.

2. Цанко, В.И. Некатегоричные высказывания в лингвистических текстах (на материале английского и русского языков): автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / В.И. Цанко; Пятигорск. гос. лингв. ун-т. — Пятигорск, 2009. — 28 с.

А.В. Темнохуд
УО БГЭУ (г. Минск)

ИГРА СЛОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ НАРУШЕНИЯ СИСТЕМНЫХ ПРАВИЛ

Лингвистическое понятие *игра слов*, будучи внутренней сущностью разных видов языковой игры, представляет для исследования особый интерес. Предметом обсуждения становится очевидное нарушение системных правил взаимодействия формы и содержания как закономерности игры слов — основного способа формирования игрового контекста.

Игра слов позволяет автору/адресанту воздействовать на читателя/адресата созданием комического эффекта как самовыражения и своего отношения к описываемым персонажам и событиям.

Игра слов — это «совмещенность» в одном высказывании нескольких значений одного и того же слова свидетельствует, что она сама по себе представляет своеобразное «поле самовыражения» для ее инициатора, служит средством проявления индивидуальных черт личности адресанта, среди которых особое место отводится остроумию, чувству юмора, находчивости.

В какой-то степени нестандартность образа мышления позволяет отнести *игру слов* к языковой аномалии — нарушению однозначности, одного из основных принципов коммуникации, создаваемого игрой слов.

Содержание вербального контекста затемняется, его истинность маскируется: именно имплицитность истинности приводит к двоякому восприятию смысла. Адресат декодирует скрытый, замаскированный смысл, используя свой опыт (уровень культурного и нравственного развития, знание индивидуальных психологических состояний или общепринятых национальных традиций, наконец, знание актуальной общественной, политической ситуации).

Человек не отделим от речевой деятельности: он общается каждый день в разных жизненно необходимых сферах — личных, общественных; коммуникация — одна из основных форм его жизни. Как и всякая другая, речевая деятельность человека практически всегда является целенаправленной. Высказывание направлено на то, чтобы что-то сообщить, выразить свои собственные чувства, отношение или побудить собеседника к определенным действиям, вызвать у него ожидаемую реакцию. Говорящий субъект, имея свою коммуникативную установку, использует те языковые средства и правила, которые способствуют выражению его намерения и адекватному восприятию его адресатом. Язык в целом, его знаки — это способ человеческого сознания систематизировать (в языковой игре по Л. Витгенштейну [1]) бесчисленное многообразие всего того, что изначально именуется «реальностью».

Однако речь идет не о правилах общения как «формы жизни», а об общении, основа которого — игра слов как маскировка *истинного смысла* создаваемой говорящим субъектом «реальности».

Такая установка явно противоречива: цель адресанта — побудить адресата понять истинный смысл, который при этом намеренно затемняется (маскируется) самим адресантом.

Закономерность любого способа игры со словами состоит в том, что она использует «скрытые» резервы языка, способность «объгрызать» различного рода отклонения.

Язык, при всей его упорядоченности, — весьма своеобразная система, сложная, «мягкая» и в некоторой степени противоречивая. Игра слов использует эти противоречия и делает их явными.

Литература

1. *Витгенштейн, Л.* Философские исследования / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике / под общ. ред. Е.В. Падучевой. — М.: Прогресс, 1985. — Вып. 16: Лингвистическая прагматика. — С.79–129.